

— Давайте, пейте, пейте, сегодня Тан Линцю дал мне передышку, это редкость. После Нового года вы все будете заняты, и вряд ли сможете так легко собраться вместе, — Чжан Жуй поспешил сгладить обстановку.

Они все были разного возраста, и некоторым после праздников предстояло решить, куда двигаться дальше: идти в государственные структуры, заниматься бизнесом или продолжать вести праздный образ жизни, не стремясь ни к чему. Его слова сразу же нашли отклик, и все подняли бокалы, снова начав шутить и смеяться.

Фан Юнхао вытер лицо и слегка стукнул своим бокалом по бокалу Тан Линцю:

— Ладно, в этот раз я перегнул палку. Если это твое решение, брат, я, не раздумывая, поддержу тебя хоть голым.

Черт возьми, даже если Тан Линцю решит жить с женщиной, он с этим смирится. Только тот, кто способен действовать решительно, достоин быть его другом, и это делает его более мужественным, чем те, кто лицемерит и прячется за масками.

Тан Линцю поднял бокал в его сторону и выпил залпом. Этот эпизод между друзьями был исчерпан, и в комнате снова стало шумно.

Тан Линцю продолжал улыбаться, но его улыбка не достигла глаз. Слова Хаоцзы заставили его задуматься. Какие чувства он на самом деле испытывает к Е Цзы? Оглядываясь на последние полгода, он невольно поставил Е Цзы на очень важное место в своем сердце. Даже замечание Хаоцзы, с которым он дружил более десяти лет, вызвало у него раздражение. Теперь он уже не мог убедить себя, что относится к Е Цзы только как к младшему брату.

Еще один шаг вперед... Он словно услышал, как его сердце внезапно забилось сильнее, увлекая его в глубину.

Е Цзы оставалось только повесить парные надписи на ворота двора. Он принес табурет и вышел к воротам. Проходившие мимо односельчане говорили:

— Вешаешь надписи? Будь осторожен.

Играющие во дворе Цюцю и Сяо Лан выбежали наружу. Услышав лай Сяо Лана, Ба Ху тоже выбежал из дома, но, бросив осторожный взгляд на Цюцю, подбежал к Сяо Лану и начал с ним играть. Каждый раз, когда бабушка Ван видела, как ее собака ведет себя смиренно перед Цюцю, она не могла сдержать смеха. В ее глазах собака явно занимала второе место после Цюцю.

Закончив с левой стороной, он спрыгнул с табурета, чтобы проверить, ровно ли висит надпись, и тут услышал голоса неподалеку.

— Госинь, ты привез жену и сына? В этом году хорошо заработал, раз так поздно вернулся.

— Куда уж там, мои родители всегда были под вашей опекой. Заходите как-нибудь выпить. Дела идут так себе, еле-еле свожу концы с концами. Сяобао, поздоровайся с дедушкой.

— Сяобао, поздоровайся, как мы договаривались? Этот ребенок стесняется, дома он не такой скромный, — женский голос подтолкнул ребенка, и тот тихо произнес:

— Дедушка.

Е Цзы сразу понял, кто эта семья. Это были сын дедушки Вана, Ван Госинь, его вторая жена Ло Фэнцзюань и их сын. Видя, как тепло они общаются, Е Цзы почувствовал несправедливость по отношению к Ван Шуцзе. Если бы его отец умер, это было бы одно дело, но у него есть родной отец, который почти не появляется и не проявляет заботы. Это вызывало чувство несправедливости. Даже имя «Сяобао» звучало для Е Цзы немного странно.

Ван Госинь сказал пару слов о младшем сыне, Ло Фэнцзюань тихо защитила его, и они подошли к воротам дома Е Цзы. Ван Госинь поднял голову и тепло поздоровался:

— Это ты, Сяоцзы? Вешаешь надписи? Как твоё здоровье?

Е Цзы, все еще стоя на табурете, улыбнулся сверху вниз:

— Дядя Ван, вы вернулись. Дедушка сейчас не ездит в город, сидит дома. Здоровье у него лучше, чем раньше. Дядя Ван, дедушка и бабушка ждут вас, поспешите к ним.

— Хорошо, хорошо. Я привез тебе кое-что, заходи как-нибудь, — Ван Госинь, вспомнив, что давно не видел родителей, поспешил вернуться домой с женой и сыном.

Е Вэньбо, услышав голоса, вышел, но они уже ушли. Он спросил внука:

— Отец Сяоцзе вернулся?

— Да, все трое вернулись, спешат к дедушке и бабушке, — Е Цзы ответил. — Дедушка, помоги мне, посмотри, ровно ли висит надпись, не криво ли?

Е Вэньбо отложил дела семьи Ванов, вышел и посмотрел:

— Чуть выше, вот так. Да, здесь. Теперь можно повесить.

Е Цзы разглядел надпись, спрыгнул с табурета и осмотрел работу. С новыми надписями двор выглядел намного праздничнее. Ван Шуцзе еще не вернулся из уезда, и Е Цзы не знал, как он проведет этот Новый год. Воспоминания подсказывали, что каждый раз, когда его отец возвращался, он не был слишком рад и часто приходил к ним.

Ван Шуцзе вернулся около четырех часов дня. Сначала он зашел к своей двоюродной сестре, а потом пришел к Е Цзы и рассказал о делах в магазине:

— ...Не волнуйся, Сяоцзы, сейчас за всем следит сестра Сунь. Я и сестра Ци вернулись раньше. Завтра утром нужно будет открыть магазин, чтобы сестра Сунь получила свой «красный конверт». Сегодня торговый центр тоже закроется раньше, чтобы все могли вернуться домой на ужин в канун Нового года.

— Хорошо, ты тоже поспеши домой. Твой отец вернулся, разве бабушка тебе не звонила? — Е Цзы подтолкнул его.

Ван Шуцзе усмехнулся:

— Бабушка тайком позвонила мне, все в порядке. Я пошел.

Раньше он боялся, что в это время года его будут ругать, и бабушка с дедушкой не могли сильно возражать, потому что его оценки действительно были плохими, и у него не было других достижений. Но в этом году все иначе. Даже если не говорить о других вещах, то только из-за того, чем он занимается, бабушка с дедушкой должны быть на его стороне. Чего ему

бояться? Даже если его младший брат учится лучше, разве он может сравниться с Е Цзы? Чем тут гордиться?

— Дедушка, бабушка, я вернулся! — Ван Шуцзе открыл дверь и громко крикнул.

— Уже который час, а ты только теперь вернулся. Весь день только и знаешь, что шатаешься без дела...

— Что ты кричишь в канун Нового года? Если хочешь ругать моего внука, иди домой и ругай его там. У меня никто не смеет сказать ни слова против моего внука! — Прежде чем отец успел закончить, бабушка Ван громким голосом прервала его, заставив замолчать. Ее внук был намного заботливее сына, и, как она говорила, за последний месяц он заработал больше, чем ее сын. Поэтому у отца больше не было права ругать ее внука.

Бабушка Ван думала просто. Она отчитала сына и с улыбкой подошла к внуку, спросив, не замерз ли он в дороге, и предложила зайти в дом выпить горячего чая, чтобы согреться. Отец, оставшийся в стороне, покраснел от злости.

— Папа, мама, нельзя так баловать ребенка. Это не любовь, а вред. В будущем он совсем распустится! — Отец, возмущенный, обратился к бабушке за поддержкой. С матерью говорить было бесполезно.

Дедушка Ван на этот раз тоже не поддержал его. Он посмотрел на мать и сына, сидящих у костра, и кашлянул:

— Я думаю, твоя мама права. Если хочешь воспитывать сына, забери его домой и воспитывай там. Не бросай его у нас, стариков, а потом в конце года приходишь и начинаешь ругать. Где ты был раньше?

Отец чуть не лопнул от злости. Его отец явно был на стороне внука. Видя, как сын наслаждается лаской бабушки и выглядит довольным, он едва сдерживал гнев.

Ло Фэнцзюань, не разобравшись в ситуации, не стала вмешиваться. Она видела, что ее муж попал в неловкое положение, и понимала, что любые его слова будут ошибочными. Ей казалось странным, что за все эти годы старики никогда так яростно не защищали мальчика. Его одежда тоже отличалась от той, что носили другие деревенские подростки. Может, старик забрал все деньги и отдал их мальчику? А ребенок, получив деньги, наверняка потратит их впустую. Все из-за того, что старик был слишком строг, угрожая отправить мальчика в столицу провинции, если он не отдаст деньги. Это только создало бы им проблемы, и им пришлось с горечью расстаться с деньгами. Она до сих пор чувствовала боль от этой потери.

Подумав, она подмигнула младшему сыну и подтолкнула его к дедушке:

— Сяобао все время в городе думал о дедушке. Кстати, Сяобао на этот раз занял десятое место в классе. Этот ребенок, как только начинает учиться, не может остановиться. Даже когда я зову его спать, он отказывается и продолжает решать задачи в комнате. Я боюсь, что он переутомится.